

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ РЕЦЕНЗИИ

Фенрих Х., Сарджвеладзе З.А. Этимологический словарь картвельских языков. Тбилиси: Изд-во Тбилисского ун-та. 1990. 619 с. (на груз. яз.).

Четверть века, истекшие после выхода в свет первого этимологического словаря картвельских языков автора настоящей рецензии, не прошли для науки бесследно. Более того, не будет преувеличением сказать, что последние десятилетия оказались для картвельской этимологии особенно плодотворными как в количественном, так и в качественном отношении. Ее очевидный прогресс обусловлен, на наш взгляд, двумя основными обстоятельствами. С одной стороны, он опирается на существенное расширение самой материальной базы исследования. Среди наиболее крупных в этом плане словарных собраний необходимо назвать древнегрузинский словарь И.В. Абуладзе [1], охватывающий, согласно оценке А.Г. Шанидзе, около 80% всей лексики, засвидетельствованной в памятниках древнегрузинского литературного языка, а также выдержавший за короткий срок два издания диалектологический словарь грузинского языка А.А. Глonti [2], обобщающий в компактной форме огромное лексическое достояние этого языка, по сей день остающееся за пределами его литературной нормы. Обогащению фактической основы исследования способствовали и опубликованные в последнее время словари отдельных грузинских диалектов (например, мохевского [3]), а также целая серия публикаций по лексикологии и сравнительной фонетике картвельских языков.

С другой стороны, этот прогресс в немалой степени оказался связанным с выходом в свет фундаментальной монографии Т.В. Гамкрелидзе и Г.И. Мачавариани, заложившей основы по существу новой концепции сравнительной грамматики картвельских языков [4]. Сформулированные в ней закономерности фонологической структуры картвельского корня и морфонологических чередований, и в частности теория глагольного аблаута, создали прочную почву не только для верификации ранее предлагавшихся этимологий, но и для новых

как межъязыковых, так и внутриязыковых сопоставлений.

Оба названных фактора, равно как и некоторые недавние исследования в области сравнительной фонетики картвельских языков (ср., например, образцовые публикации И.Г. Меликишвили), оказали плодотворное воздействие на конкретные этимологические работы, опубликованные в последнее время грузинскими и зарубежными исследователями. В полной мере этими благоприятными условиями воспользовались и авторы рецензируемого труда — видный немецкий кавказовед и один из крупнейших грузинских картвелистов — создавшие монографию, составляющую, на наш взгляд, одно из наиболее значительных достижений современного картвельского языкознания.

Рецензируемое издание состоит из довольно краткого введения, в котором компактно характеризуется история этимологических исследований в картвелистике и излагаются принципиальные методические позиции авторов (с. 3—27), корпуса словарных статей (с. 28—508), списка использованной литературы (с. 509—521), списков различных сокращений (с. 522—528), а также индексов архетипов (с. 529—541) и рассматриваемых в книге грузинских, мегрельских, лазских и сванских лексем (с. 529—618).

Среди основных особенностей словаря следует прежде всего отметить гнездовой принцип расположения материала, в соответствии с которым в каждой его статье дана положенная в основу реконструкции корня совокупность лексем (перед нами, следовательно, так называемый *Wurzelbuch*). Схема статьи, помимо ее фактологической базы, представленной соответствующим лексическим материалом, включает отсылку к древнегрузинскому облику корня (в случаях документированности содержащих его лексем в текстах), историко-фонетический комментарий, отличающийся весьма информативной формой изложения истории корня

в конкретных языках, а также, как правило, исчерпывающие сведения об авторстве соответствующих сопоставлений и реконструкций архетипов. Словообразовательный анализ присутствует, но вынесен за скобки и представлен морфемным членением лексем. Наряду с корневыми морфемами в работе восстанавливается и материал грамматических. Функционирование каждой морфемы соотносится с одной из двух принятых плоскостей реконструкции, отражающих более раннее общекартвельское состояние и более позднее грузинско-занское, противопоставляющееся уже обособившемуся сванскому (точнее — пресванскому).

Среди бесспорных достоинств труда Х. Фенриха и З. Сарджвеладзе необходимо в первую очередь отметить то, что он демонстрирует широкие перспективы исследования истории картвельских языков, ориентирующегося на схему их филиации, которая диктует строгое разграничение общекартвельских архетипов, с одной стороны, и грузинско-занских, с другой. При этом бросается в глаза следующее немаловажное обстоятельство — несмотря на то, что ранее предпринимавшиеся грузинско-занские корневые соположения во множестве случаев дополнены выявленными авторами их сванскими параллелями, в целом количественное соотношение общекартвельских и грузинско-занских архетипов остается в принципе прежним. Это обусловлено тем, что параллельно здесь обнаружено большое число новых исключительно грузинско-занских изоглосс. В итоге примерно 435 общекартвельским архетипам здесь противостоят около 600 грузинско-занских.

Наряду с заметным обогащением сванского компонента этимологического исследования, в целом ряде случаев и имевшийся занский материал дополнен ранее отсутствовавшим его мегрельским или лазским звеном. В подавляющем большинстве случаев нововыявленные когнаты не вызывают сомнений. Среди наиболее удачных находок авторов можно отметить реконструкции таких общекартвельских корневых морфем, как **didy-* "бормотать", **kuc₁-* "кромсать", **zius₁-* "умолкать, неметь", **ziwn-* "течка", **cqw-* "истреблять, рушиться", а также груз.-зан. **grk-al-* "обруч", **ziwal-* : *ziul-* "валиться, рушиться(ся)", **kurg₁-* "кожура", **ciuk-* "род когла", **cieng-* "вид растения", **x-* "касаться". Иногда достоверность авторских сближений может быть подкреплена дополнительными иллюстрациями. В частности, грузинско-занские архетипы **tutk-* "ошпарить(ся)" (с. 152), **ciox-* "жевать жвачку" (с. 414) и **cikip-* "ответвление" (с. 415)

помимо приведенного в книге материала поддерживаются соответственно такими формами, как лаз. *tutk-* "ошпарить", мегр. *ḡix-* "пичкать, насильно кормить", мегр. *ḡkip-* "вилка", а общекартвельский архетип **plet-* : *plit-* "драть, трепать" (с. 329) удостоверяется и закономерно отражающим его лаз. *plat-* "драть, терзать". Если учесть, что из общего числа статей словаря 95 посвящены словообразовательным и словоизменительным морфемам, а некоторое число корней может быть сведено на правах разновидностей к единым, то в работе тем не менее насчитывается свыше тысячи общекартвельских и грузинско-занских корней, что служит яркой иллюстрацией полноты охвата авторами всего известного современной науке фактического материала.

С точки зрения сравнительной фонетики картвельских языков чрезвычайно интересным представляется обнаруженное З. Сарджвеладзе закономерное занское соответствие груз. *ḡiḡ-* "иссушать; сохнуть, заживать (о ране)" в виде лаз. *ḡiḡk-* (с. 385), предполагающее архетип **ziuḡ-*. Если эта основа действительно, как иногда полагают, восходит к переднеазиатскому арийскому источнику (ср. др.-инд. *śus-* "сушить"), то в распоряжении науки окажется еще один пример, наряду с общекартв. **šwid-* "семь", свидетельствующий в пользу вторичности сложных занских соответствий грузинским простым шипящим, характеризующихся разрывом заднеязычного фокуса последних в самостоятельный сегмент.

Бесспорно заслуживает одобрения проявляющаяся во многих случаях осторожность авторов в обращении с конкретным языковым материалом. Уже из самих авторских формулировок вытекает, что они отдают себе отчет в неравноценности предлагаемых ими решений по степени достоверности (прежде всего это отражается в оценке надежности межъязыковых лексических соположений). При реконструкции звукотипа корневых морфем не без оснований отложена на будущее трактовка деталей, которые находятся в прямой зависимости от требующих своей доработки фрагментов сравнительной фонетики картвельских языков (ср. проблему вокалического противопоставления по долготе -- краткости, а также вопрос о реконструкции звонкого согласного фарингальной серии в праязыковом состоянии). Следствием присущего авторам духа самокритичности представляется то обстоятельство, что они отказались от отдельных еще недавно выдвигавшихся ими же соположений. Об этом же говорят и их нередкие указания на существование в литературе

альтернативных решений. Отметим здесь же встречающиеся в работе примеры двучленных архетипов (ср. **gr̥q̥il-* // *g̥q̥il-* на с. 87, **wec̥xl-* // *werc̥xl-* на с. 124 и др.).

Подобно каждому выдающемуся исследованию монография Х. Фенриха и З. Сарджвадзедзе весьма отчетливо обозначает и круг проблем этимологии и сравнительной грамматики картвельских языков, задача решения которых становится все более безотлагательной. Если начать с собственно этимологической проблематики, то здесь прежде всего следует назвать задачу адекватной семантической реконструкции архетипов, достаточно сложную в условиях изучения материала замкнутой языковой группировки, ингредиенты которой обнаруживают различную степень родства. Повидимому, именно недостаточное внимание к этой стороне реконструкции в картвелистике и послужило поводом к отказу авторов на с. 23 предисловия от реконструкции значения (подчеркнем, впрочем, что они не вполне следуют ему, поскольку помимо эксплицитной семантической реконструкции материала грамматических морфем в книге встречается множество случаев имплицитного разграничения корневых морфем, разведенных по разным статьям на именно семантических основаниях: ср. два корня **h-*, два — **hir-*, три — **g-*, два — **gwal-*, два — **da-* и мн. др., чем еще раз подтверждается справедливость диктума Э. Бенвениста о центральном положении значения в языковой структуре).

Представляется между тем, что в этой сфере у науки остается еще немало неотребованных резервов. Так, залогом адекватности анализа, с одной стороны, здесь должно быть пересечение показаний сванского языка и какого-либо из остальных языков, а в случаях реконструкции грузинско-занского хронологического уровня — грузинского и какого-либо из занских. С другой стороны, немалую пользу этимологическому исследованию принесет опора на принцип историзма, способный контролировать правдоподобность существования тех или иных понятий и реалий в соответствующую эпоху. И здесь будет необходим все еще крайне слабо ощущающийся в картвелистике, как, впрочем, и в кавказоведении в целом, контакт лингвистов с представителями таких смежных наук, как история и археология. Заметим в этой связи, что при наличии подобного контроля извне возникают, например, серьезные сомнения в адекватности реконструкции для общекартвельского состояния таких семантических точек, как "помочь миром", "курица", "квохагь

(о насадке)", "конский волос", "белок яйца" и некот. др.

Другой не менее отчетливо рисуемой проблемой картвельской этимологии остается проблема релятивной хронологии реконструируемых архетипов, с особой остротой заявляющая о себе при рассмотрении материала, обнаруживающего по языкам соотношение фонетической идентичности (имеются в виду праформы типа **burs-*, **ixip-*, **zimor-* и мн. др., строящиеся по фонетически единообразным показаниям картвельских языков, за которыми могут стоять и неопознанные поздние заимствования, распространившиеся уже из одного языка в другие). Естественно полагать, что в этих условиях на первый план должны выйти критерии ареально-лингвистического порядка, с одной стороны, и содержательного, с другой (в частности, значительно большую роль должен играть прием групповой реконструкции).

Еще одной проблемой, требующей к себе дополнительного внимания, является проблема вычленения в картвельской лексике исторической словообразовательной аффиксации. И хотя она во многом уже решена, что получает свое отражение в совокупности реконструируемых в словаре деривационных средств, в его материале налицо и трудные случаи. Остается неясным, например, насколько адекватно вычленение в качестве былых суффиксов конечных гласных в таких элементах культурного словаря, как **di̯ka-* "яровая пшеница", **q̥ila-* "ключ, запор", **polo-* "копыто", в условиях, когда в их довольно очевидных некартвельских аналогиях также представлен конечный вокализм (авторы, очевидно, ощущают высокую степень проблематичности своего решения и словообразовательных аффиксов *-a* и *-o* в работе не фиксируют). Аналогичный вопрос возникает и в случае груз.-зан. архетипа **dyweb-* "сбивать масло" (такое значение прослеживается во всех привлекаемых к его реконструкции картвельских когнатах), в котором предполагается вычленимость элемента *-eb*, в то время как в связанном с ним системными отношениями звукописи груз.-зан. **ikwer-* "взбивать яйцо и г.п." такого выделения не предполагается (словообразовательного элемента *-er* в тексте книги также нет). Еще одну загадку, впрочем, несколько иного рода, задает картв. **ywiw-* "тлеть", которое может оказаться производным от **ywi-* "можжевельник" (как известно, тление можжевельника в прошлом широко использовалось на Кавказе в ритуале очищения от скверны и болезней).

Наконец, так или иначе сказываются на

этимологической практике и нерешенные задачи сравнительной фонетики картвельских языков, о которых отчасти уже говорилось выше. Отметим, в частности, требующий обобщающего рассмотрения вопрос о судьбе древнего конечного / сванских именных основ. Как известно, в большинстве случаев здесь реализованы процессы его преобразования в *β* или *ʒ*. Вместе с тем, даже если не затрагивать основы типа *kəl-* "ключ, запор" и *pol-* "копыто", предполагающие, как показывают их другие картвельские, а также некартвельские аналогии, наличие конечного вокализма (ср. и.-е. **kla(u)-* и и.-е. **pōlo-*), то неразъясненным остается исход таких сванских лексем, как *ʒwel-* "сыворотка" (с. 283), *poʒdel-* "вид овсяницы" (с. 329), *ʒel-* "осел" (с. 439), где конечную последовательность *-el* невозможно принять за позднейший диминутивный аффикс.

Наконец остановимся коротко на трех замечаниях в адрес труда.

Как представляется, принятый в нем гнездовой принцип подачи материала пока не исчерпывает всех своих ресурсов. Так, естественно было бы, подобно тому, как это делается в некоторых других случаях, объединить статьи под архетипами **daqw-* "локоть" и **dlaqw-* тж. (с. 96 и 105), под архетипами **təx-* "ломать" и **təx-* (с. 291 и 294), поскольку это апофонически дифференцированные варианты единой исходной величины. То же самое следует сказать относительно праформ **təb-* "прижимать" и **təb-* "придавливать" (с. 296—297), по всей вероятности, представляющих собой две различные ступени огласовки исторически единого корня. На этом же основании напрашивается объединение архетипов **beriq-* "выколачивать" и **br̥iq-*, лежащего в основе адъектива "плоский" (с. 49—60). Во всяком случае работа выиграла бы при снабжении упомянутых статей соответствующими перекрестными ссылками. Вместо корня **brag-* (с. 58), по-видимому, было бы целесообразнее дать лежащее в его основе и связанное с ним закономерными отношениями звукописи **breg-*, к тому же более широко проходящее по картвельскому материалу.

Другое наше замечание касается некоторой недооценки в книге такой существенной задачи каждого этимологического словаря, как поиск этимона, независимо от того, является ли соответствующий материал исконным или заимствованным. Поэтому подчеркнутый на с. 23 отказ авторов от поисков конечного истока того или иного образования за пределами картвельского материала искусственно обедняет объясни-

тельный аспект их исследования. Заметим в этой связи, что даже этимологический словарь Ю. Покорного, который обладает значительно большей глубиной ретроспекции, затрудняющей раскрытие подобных связей, не лишен примеров обращения к неиндоевропейским истокам тех или иных корней [5].

Отметим также наличие в приводимом в книге материале некоторых лакун. В ходе критического отбора фактов авторы не без основания отказываются от целого ряда ранее фигурировавших в специальной литературе сопоставлений. Вместе с тем в работе не находим и некоторых архетипов, на наш взгляд, выдержавших испытание временем: ср. такие корни, как **zɪwa(w)-* "снеговой оползень", **kəɣə-* "комар" (с характерным для картвельских символических образований вокализмом), **lag-* : *lg-* "сажать растения", **loʒ-* "лобзаться, лизаться", **mqar-* "прочный, крепкий", **plənʒɪ-* "медь", **picɪx-* "сухой хворост", **ɣwino-* "вино" и некот. др.

Возвращаясь к общей оценке книги, рецензент с удовлетворением отмечает многочисленные точки соприкосновения ее как фактической, так и методической стороны с его собственной практикой. Вместе с тем должно быть очевидным, что она сообщает новый стимул развитию картвельской этимологии. Одним из объективных факторов успеха дальнейших работ в этом направлении остается и то, что в отличие от индоевропеистики, уже давно вступившей, по выражению К. Уоткинса, в этап производства "неочевидных" этимологий [6], в картвельстике значительное место все еще принадлежит и "очевидным" (вероятно, именно поэтому число так называемых факультативных объяснений в картвельской этимологии не столь велико, как этого можно было ожидать). Следовательно, продуктивность дальнейших исследований здесь пока во многом будет зависеть от темпов введения в обиход науки нового языкового материала. Можно надеяться, что этому будет способствовать основание в Грузии в 1987 г. ежегодника "Этимологические разыскания", пять выпусков которого уже вышли в свет.

Монография хорошо выполнена технически. Удобству пользования словарем служит сплошное выделение особым шрифтом всего корневого материала. Этому же способствуют индексы реконструированных архетипов в составе корневых и грамматических морфем, а также проанализированных грузинских, мегрельских, лазских и сванских лексем. Обширный библиографический список, включающий около 320

названий работ на грузинском, русском и западных языках, составляет наглядное свидетельство объема интеллектуальных затрат, вложенных авторами в работу (заметим в этой связи, что им удалось использовать и такие по сей день остающиеся неопубликованными лексические собрания, как "Грузинско-мегрельский и мегрельско-грузинский сравнительный словарь" П. Чарая, созданный еще в 1918 г., и "Лазско-грузинский словарь" А. Тандилава). Несмотря на изобилие языковых фактов опечатки в тексте сведены к минимуму.

В заключение остается еще раз подчеркнуть, что выход в свет труда Х. Фенриха и З. Сарджвеладзе — одно из значительных событий в современном картвельском языкознании. В нем отражены передовые рубежи последнего не только в плане этимологии, но и в сравнительной фонетике и историческом словообразовании. Вместе с тем он служит очередным свидетельством творческих возможностей международного сотрудничества в науке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абуладзе И.В. Словарь древнегрузинского языка: Материалы. Тбилиси, 1973 (на груз. яз.).
2. Глonti А.А. Словарь грузинских народных говоров. I—II. Тбилиси, 1974—1975; 2-е изд. Тбилиси, 1984 (на груз. яз.).
3. Каутарадзе Н.И. Мохевский диалект грузинского языка (исследования, тексты, словарь). Тбилиси, 1985 (на груз. яз.).
4. Гамкрелидзе Т.В., Мачавариани Г.И. Система сонантов и аблаут в картвельских языках. Типология общекартвельской структуры. Тбилиси, 1965 (на груз. и русск. яз.).
5. Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. 1. Bd. Bern, 1959. S. 13, 23, 68, 321, 335, 483, 596.
6. Watkins C. Etymologies, equations, and comparanda: Types and values, and criteria for judgement // Linguistic change and reconstruction methodology // Ed. by Baldi Ph. B.; N. Y., 1990. P. 295—296.

Климов Г.А.

Stellmacher D. Niederdeutsche Sprache. Eine Einführung. Bern: Peter Lang Verlag, 1990. 236 S.

Книга известного немецкого германиста, проф. Гёттингенского университета Д. Штелльмахера посвящена истории формирования нижненемецкого языка, анализу форм его существования в различные периоды развития, а также освещению вопросов его современного функционирования в качестве ряда диалектов немецкого языка. Появление этой книги стало заметным событием в германистике, поскольку она восполняет пробел в освещении вопросов немецкой филологии, с неизбежностью образовавшийся в связи с особенностями формирования немецкого литературного языка: известно, что нижненемецкие диалекты не были непосредственной основой при образовании общенемецкого литературного языка и поэтому учитывались главным образом при рассмотрении, например, второго передвижения согласных или при общей классификации немецких диалектов. Между тем исторический нижненемецкий язык имеет самостоятельную научную ценность, поскольку до периода выдвижения восточно-средненемецкого типа литературного языка на роль ведущего и унифицирующего варианта он существовал в качестве самостоятельного надтерриториального типа литературного языка (нижненемецкий язык в его

нижнесаксонском и нижнефранкском вариантах в качестве делового языка ганзейских городов Северной Германии) наряду с уже упоминавшимся восточносредненемецким и южнонемецким (das Gemeine Deutsch, язык Баварии, Австрии, Швабии и Швейцарии) типами делового, литературного языка. С другой стороны, он сохраняет свое функциональное положение в структуре современной немецкой речи в качестве совокупности нижненемецких диалектов (Plattdeutsch, Niederdeutsch) немецкого языка, которыми пользуются и которые понимают около 2/3 населения соответствующих регионов Германии. Так, согласно данным опроса 1966 г. в Северной Германии в среднем 46% опрошенных ответили положительно на вопрос о владении нижненемецким диалектом, 13% опрошенных сообщили, что они немного знают местный диалект, и только 41% ответили, что не знают диалекта и не говорят на нем. С другой стороны, согласно данным микроопроса 1985 г. в земле Шлезвиг-Гольштейн — регион распространения нижненемецких диалектов — в среднем 70% мужчин и 64,7% женщин могут говорить на местном диалекте [1].

Книга Д. Штелльмахера состоит из Вве-